

**ГАЛИНА ИВАНОВНА ЩУКИНА:
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В ДУХОВНОМ НАСЛЕДИИ УЧЕНОГО**

Чем дальше в глубины времени уносит от нас «медленная Лета» живой, неповторимый образ Галины Ивановны Щукиной, ее «трудов и дней» в педагогике, чем уже становится круг тех, кому посчастливилось быть рядом, работать с Учителем, тем благодатнее почва для разноречивых, порой произвольных толкований бесценного вклада ученого в педагогическую теорию и практику. Как один из ветеранов щукинской научной школы,

не могу не коснуться некоторых мифов и стереотипов, сложившихся вокруг имени нашего Учителя в сознании определенной части молодого поколения педагогов.

Миф первый: «Труды Г. И. Щукиной всецело посвящены разработке проблем дидактики, а в самой теории обучения — познавательному интересу».

Миф второй: «Ее гуманистическая концепция, будучи отражением советской доктрины формирования личности, имеет ограниченный, классовый характер».

Миф третий: «Щукина, разделявшая взгляды Ушинского, Макаренко, Сухомлинского, во многом традиционна, несовременна. Это пройденный этап в педагогике».

Все три позиции можно квалифицировать как педагогический дилетантизм, который оперирует неполным, а следовательно, поверхностным, искаженным знанием и которому не свойственно анализировать образовательную действительность в ее противоречиях, исторической конкретности и обусловленности.

Первый миф легко опровергается списком опубликованных трудов ученого, среди которых «Возрастные особенности школьника» (1955), «Вопросы нравственного воспитания в школе» (1956), «Вопросы методики воспитательной работы в школе» (1964), «О современном решении проблемы связи педагогической теории и практики...» (1973), «Организация и техника педагогического эксперимента» (в соавторстве, 1979), «Деятельность — основа педагогического процесса» (1982), «Социально-педагогические приоритеты современности» (1991), главы учебных пособий по педагогике: «Закономерности воспитательного процесса», «Нравственное воспитание», «Эстетическое воспитание» (1960, 1966, 1974, 1977). Как видим, в этих работах представлен широкий спектр педагогических проблем, имеющих непреходящую научную и теоретическую значимость.

Сложнее убедить наших оппонентов в несостоятельности второй и третьей позиций. Да, перечитывая классику Г. И. Щукиной, нельзя не заметить, что нередко дает о себе знать образ мыслей и лексика советской эпохи. Будучи плоть от плоти своего времени, Галина Ивановна, как и другие педагоги-гуманисты: А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, И. П. Иванов, — не избежала известной идеологизации учебно-воспитательного процесса, максимализма в предъявлении общественных требований к личности и адекватной фразеологии.

И все же суть не в этих атрибутах партийно-государственной ориентации исследователя, без которых невозможна была в то время любая публикация, а в том, что педагоги такого масштаба, рискуя подвергнуться ostracism за культивирование «абстрактного гуманизма», утверждали приоритет личности в обучении и воспитании, человека как высшую ценность.

Что касается преемственности в осмыслении и развитии Г. И. Щукиной основ психолого-педагогической антропологии и межличностного общения как средства воспитания (Ушинский, Макаренко, Сухомлинский, Рубинштейн, Выготский, Ананьев и др.), то здесь просматривается актуальная для нашей очередной «перестройки» в образовании идея сохранения и продуктивного использования гуманистических ценностей, накопленных отечественной педагогикой и психологией. О пристальном внимании Галины Ивановны к педагогическому наследию свидетельствует, в частности, ее обращение к опыту Макаренко, который «помог в экстремальных условиях эвакуации» организовать производительный сельскохозяйственный труд детей путем создания так называемых сводных отрядов («Урок длиною в четыре военных года»).

Г. И. Щукина всегда отмечала ведущую роль воспитания в становлении личности не только как теоретик педагогики, но и как дидакт. Перечитывая монографии, статьи, учебные пособия ученого, убеждаешься, что в каждом аспекте познавательной, трудовой, художественной деятельности автор видит «сверхзадачу»: формирование у школьника ценностных ориентаций, приобщение его к культуре, добру и красоте.

Взгляды Г. И. Щукиной на воспитание явились прежде всего результатом ее теоретических поисков и размышлений в области педагогической антропологии, комплексного исследования проблемы социальной и биологической детерминации развития человека с точки зрения философии, психологии и педагогики.

Другим источником педагогических воззрений Г. И. Щукиной стали ее личный жизненный опыт и пристальное внимание к школьной практике. Пройдя подростком в интернате «курс» коллективного воспитания, начав самостоятельную педагогическую деятельность в качестве пионервожатой, а затем руководителя детских учреждений, постоянно общаясь с учителями, Галина Ивановна ощутила и глубоко осознала ценность человеческих отношений, обрела нравственные ориентиры в педагогике, уверовала в целительную, преобразующую силу воспитательного влияния на личность.

В учебных пособиях 1960–1970-х гг., а также в монографиях, статьях, опубликованных в 1980-е гг., Г. И. Щукина на основе проведенных теоретических и экспериментальных исследований раскрывает общие закономерности воспитательного процесса, которые рассматриваются ею в контексте «триады»: личность — деятельность — общение. А что такое личность? По словам ученого, это единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и приобретенного. Проблема соотношения и взаимосвязи социальных и природных факторов в развитии человека исследовалась Г. И. Щукиной с диалектических позиций. Рассматривая уровень духовной культуры нашего современника как результат длительной общественно-исторической эволюции, Галина Ивановна подчеркивала необходимость учета возрастных и индивидуальных особенностей каждого воспитанника с его сложным внутренним миром и самобытным творческим потенциалом.

Особое место в теоретических поисках Галины Ивановны занимала проблема гармонического развития личности. Возражая против прямолинейного, механического «смещения красок», «уничтожения граней», она разделяла мнение тех ученых, которые утверждали, что каждая личность многоцветна и многогранна по-своему. Сама же Щукина, обладая богатой палитрой талантов, была востребована прежде всего как выдающийся деятель фундаментальной науки.

Вместе с тем, по моим наблюдениям, в студенческой и учительской аудиториях ей не всегда удавалось преодолеть у части слушателей недоверие к педагогической теории, поскольку она отдавала предпочтение, как, впрочем, и такие корифеи кафедры, как Ш. И. Ганелин, З. И. Васильева, не красноречию и артистизму, а строго научной логике изложения. Искусством педагогической публицистики, театрализации, риторики в совершенстве владели яркие лекторы из ближайшего окружения Галины Ивановны: Е. Я. Голант, Т. Е. Конникова, В. А. Лир, К. Д. Радина, Т. Н. Мальковская, В. Г. Куценко, В. Н. Липник.

Эталон практической педагогики «в исполнении Г. И. Щукиной» (выражение ее дочери Е. С. Щукиной) заключался в другом. Это реализация исповедуемых ею норм общения с учениками, коллегами, единомышленниками и оппонентами. И здесь в центре оказываются не только обмен идеями, но и соприкосновение личностей, индивидуальностей, культура человеческих взаимоотношений.

Покажу это на примере ее многолетней совместной творческой работы с нами, аспирантами, которых увлекли проблемы художественно-эстетического воспитания школьников и студентов. К ней тянулась молодежь, в той или иной мере причастная к использованию средств прекрасного в учебно-воспитательном процессе. Всех их Галина Ивановна брала «под свое крыло», каждому помогла утвердиться в собственном выборе, придавая интересу к искусству педагогический контекст. Она щедро делилась с учениками своими идеями о творчестве, красоте, о связи прекрасного и нравственного, об эстетике педагогического труда, убеждая нас в том, что педагогика и искусство должны идти ру-

ка об руку в обучении и воспитании. А было этих счастливиц ни много, ни мало — 12 человек. Все они успешно защитили диссертации «с эстетическим уклоном» и продолжили свою деятельность в этом направлении.

Не все в позициях Г. И. Щукиной как руководителя научно-производственного коллектива вызывало одобрение у некоторых членов кафедры. Предъявляя к себе жесткие требования, она не давала расслабляться другим. Могла в сердцах сказать аспиранту, медлившему с оформлением диссертации: «Кровь из носу, а голову положи!» Не позволяла себе длительных командировок и не поощряла частые вояжи отдельных преподавателей в ущерб занятиям по учебному графику. Любителям таких путешествий, особенно по линии общества «Знание», приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям. Благо, Галина Ивановна верила заявителю на слово и, убедившись, что замена обеспечена, больше не возвращалась к этому вопросу. Сама же она оставалась верной своей многолетней привычке после «груды дел, суматохи явлений» трудового дня садиться дома за миниатюрную пишущую машинку и до поздней ночи сочинять, править, структурировать очередную статью, монографию, учебное пособие.

Не всем была по душе «чрезмерная принципиальность» Г. И. Щукиной при обсуждении диссертаций «тет-а-тет» с руководителями или на заседаниях кафедры. Зная ее бескомпромиссность в отстаивании научной истины, мы, ученики и коллеги, в любой момент могли ожидать нелюбезных суждений, острых вопросов и т. п. Бывало, уставшие участники заседания от нескончаемой дискуссии и уже готовы принять долгожданное решение о допуске диссертации к защите, как в спор вступает Г. И. Щукина, и не прислушаться к ее голосу невозможно. Дискуссия вспыхивает с новой силой, принимает иное направление. А бедному соискателю приходится еще долго отвечать на возникшие вопросы и сомнения.

Галина Ивановна вела острую полемику с дилетантами, прожектерами, людьми, малокомпетентными в педагогике, которых она в узком кругу называла «профессорами кислых щей». Критика, не взирая на лица, естественно кое-кому не нравилась и вызывала негативную реакцию.

Изучение феномена личности Щукиной в сопоставлении с ее научным творчеством подводит нас к такому вопросу: существует ли закономерная связь между особенностями жизненной позиции педагога-исследователя и его ценностными ориентациями в науке?

Жизнь и деятельность Галины Ивановны показывают, что такая зависимость может иметь место. В работах Щукиной о воспитании дисциплины и дисциплинированности, моральных привычек, культуры и эстетики поведения, о нравственных свойствах науки и этике исследователя, равно как и во многих других, угадывается образ автора с его требованиями к себе и окружающим, с его моральными критериями и эстетическими установками.

Интересно проследить и обратную связь: влияние концептуальных идей ученого на его самопознание и отношение к миру.

Это особенно отчетливо просматривается на исходе пути, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда Галина Ивановна испытывала дефицит общения, упадок физических сил, страдала из-за невозможности в полной мере отдаться работе за письменным столом. «Дни проходят в телефонных звонках», — с грустью замечала она в дневнике. Но не было ощущения безысходности, трагизма. Не был утрачен интерес к кафедральным делам, к событиям в стране. Была напряженная внутренняя работа, было глубочайшее философское осмысление предназначения человека, осознание своего места в этом мире. Научная проблема, которой Щукина занималась многие десятилетия, приобрела для нее судьбоносный характер.

Как завет ученого будущим поколениям исследователей проблем обучения и воспитания звучат слова Галины Ивановны из выступления на торжественном заседании кафедры педагогики 4 марта 1988 г. в связи с ее 80-летием:

ЛЮДИ. ГОДЫ. ЖИЗНЬ

«Я беспредельно верю в то, что главная и определяющая сила общественной жизни: экономики, политики, науки, культуры, искусства, — это человек, от малого до великого в его жизни, со всеми его взлетами и падениями, с его удачами и неудачами...

Пафос учения сейчас уже переносится философами не только на то, что человек овладевает познанием окружающего мира, видимой им действительности, а главное — на обладание им научным мышлением, что далеко не свойственно тому, кто изучает лишь окружающий предметный мир.

Человек должен летать в миры невидимые. Его мировоззрение, по Сократу, должно подвергать сомнению то, что он видит.

Что я могу знать? Что я должна знать? На что я могу надеяться? В научном мировоззрении должны присутствовать и вера в человеческие возможности, доверие к человеку. Доверие связано с риском, но оно укрепляет веру человека в себя. Второе измерение — надежда, связанная с будущим. Переход веры в надежду и выявляет новый аспект мышления.

Научное мышление поднимает человека над миром. Он начинает мыслить не узко, в рамках окружающей действительности, а масштабно. Это чудесный дар человека...»

Эти мысли могут быть отправной точкой в постижении концептуальных идей ученого, идей гуманизации педагогики и образовательного пространства.

...Такой она была: многогранной, неоднозначной, порой резкой, «неудобной», но всегда мудрой, открытой, человечной в бескорыстном служении людям, науке, просвещению. Таким принимаем мы ее духовное наследие, значение которого в полной мере еще предстоит оценить.